

Клара Адягаши (Дебрецен)

Название *черемис* в средневековых источниках

Настоящая статья является продолжением моих прежних исследований, направленных на выяснение некоторых деталей взаимосвязи этнической и языковой истории марийского и чувашского народов.

Относительно ранних этногенетических процессов Среднего Поволжья сопоставительное изучение трех типов источников (письменных источников X–XI вв., археологических памятников поветлужско-вятского междуречья и русского Севера, а также заимствованной лексики марийского языка) позволило мне прийти к следующим выводам: в X–XI вв. существовал исторический

народ *čermis*, название которого в форме *черемис* отражает произношение по аналогии восточнославянского полногласия. Этот народ обитал на территории между Киевской Русью и страной волжских булгар, вместе с другими финно-угорскими народами по нижнему течению р. Оки. Но после XI века черемисский народ так же ассимилировался с русскими, как чудь, меря и мурома, или участвовал в расселении поволжско-финских народов на Север, где его ассимиляция могла произойти чуть позже. После исчезновения в Поволжье исторических черемисов с середины XII века их место обитания заняли другие народности (представители ананьинской, дяково-городецкой и азелинской культур). Так как торгующие друг с другом народы Восточной Европы (волжские булгары вместе с хазарами с одной стороны, древнерусское население с другой) по традиции хранили знания о том, что между ними живет народ под названием *черемис*, этноним *черемис* и в дальнейшем остался в обиходе, но лишился своего первоначального этнического содержания. Он стал средством выражения географического статуса любого народа с любым языком, обитавшего между русским государством и государством волжских булгар даже и в такое время, когда уже государство волжских булгар перешло в другие государственные образования, то есть этноним *черемис* превратился в топоним (см. подробнее: [Адягаши 1999]).

Если такое толкование источников правильное, тогда в более поздних источниках должны иметься такие прямые или косвенные указания, или сведения описательного характера, которые, в связи с конкретными историческими событиями в Поволжье с участием черемисов, подтверждают этническую и языковую разнородность обитателей поветлужско-вятского междуречья, названных соседями как *черемис*.

С целью обнаруживания таких доказательств в мои исследования в этот раз вовлекались два типа средневековых письменных источников: 1) историческое повествование безымянного автора о русско-татарских отношениях XVI века, известное как “Казанская история” (под редакцией Адриановой Перетц 1954); 2) картографический материал – графическое изображение места обитания этнических групп Среднего Поволжья на картах западноевропейских путешественников и торговцев XVI века, представленный в сообщении Тарди [Tardy 1982].

Хотя “Казанская история” по своей художественной структуре и идейному содержанию считается литературным произведе-

дением, все же его фактические сведения о Казанском ханстве можно принять за исторический источник. Как после критико-филологического сопоставления всех списков и редакций текста на это было указано Моисеевой [1954: 12–13], “Важнейшим источником фактических сведений о Казанском царстве первой половины XVI века были личные наблюдения самого автора “Казанской истории”, находившегося в Казани с 1532 по 1552 год. В своей краткой биографии он сообщает о том, что был пленен казанцами за 20 лет до взятия города и приставлен ко двору казанского хана Сафа-Гирея ... Именно благодаря тому, что автор “Казанской истории” в течение двадцати лет был свидетелем многих событий, ... мы можем считать это произведение в части, касающейся событий, происходивших в казанском лагере, своеобразным историческим источником”.

В “Казанской истории” название *черемис* упоминается трояким образом. Чаще всего оно имеет форму с собирательным суффиксом как *черемиса*, сопровождаемую местами с определением *злыя*. Из употребления выражения контекстуально вырисовывается значение ‘наступающее войско хана, наносящее первый удар на врага, или впускающееся первым в битву’ (по изданию Адриановой-Перетц [1954: 53, 61–62, 67, 69, 70, 76–77, 84, 88, 91, 127, 131–133, 145]). По восточной традиции такие войска ханов составлялись из членов покоренных народов, как об этом сообщается например в Секретной истории монголов. Таким образом, *черемиса злыя* – это войско татарского хана, собранное из подчиненных (нетатарских) народов Поволжья, без указания на конкретное этническое происхождение его членов.

Другой тип упоминания названия *черемис* сопровождается одним из определений *нагорный, нижний, луговой*, указывающим на разное географическое расположение, то есть на существование трех групп населения, предоставляющего войско казанцам. В источнике находятся следующие случаи такого упоминания:

“Воеводы же содругнувшимся, и ужасошася, и повоеваша нагорную черемису” [Адрианова-Перетц 1954: 68].

“И пльвыше 30 дней и придоша в землю казанскую на реку Свягу, на местоуказанное им, мая месяца в 16 день, в субботу седмую по пасце, и сташа ту, не дошедше Казани за 15 верст. И видеша место угодно и добро велми, и возлюбилша с царь и воеводы все, и возрадовашася воя вся, и наутре, в неделю, распустиша воя по улусом казанским воевати, и пленили горния черемиса и нижния, овому же войску, пешцем, повелеша

на горе той сеши лес и место чистити на поставление града, и божиим повелением вскоре делу конец прияти” [Адрианова-Перетц 1954: 87].

“И на таковой границы красне, промеж двою рек, Шуки и Свяги, новый град ста. И се первое явися начало божия помощи, молитв ради пречистыя богородицы и новых святых всех чудотворцов русских: егда бо царю и воеводам, пришедшим и град Свяжский ставити почавшим, в третий день приидоша ту з дары и обославшися старейшины и сотники горняя черемисы, и моляхуся царю и воеводам, еже не воевати их, князем бо и мурзам их оставлешим их в Казани во осаждение. Тогда вся горная черемиса царю и великому князю приложися, пол земля Казанския людей. И посла царь в улусы писари и отписаша их 12 000 луков гораздых стрелцов, кроме малати стара, не возраславо юноши, ни стара мужа не написоваху тех луков. Сказоваху же бо и се царю и воеводам нашим старейшины и сотники горняя черемиса, живуци неподалече от Свяжска града, тужаше и жаящесе, иже добре гора сия святяшесе «и до поставления града», рекоша...” [Адрианова-Перетц 1954: 88].

“Се же вси видевше, царица и вси держатели казаньския, и простыя земския люди, черемиса нижная, по рускому же чернь, что прииде из Руси царь Шигалей касимовский со множеством русских, с великим народом именным, аки смеяся им, и играя, не во многи дни поставиша град среди земли их, яко на плечах их, да подивятся им; нагорная страна черемиса отступиша от них вся и заложисашася за московскаго царя. Казанцы же вборзе ничего же не ведавше, ни поставления граднаго, ни черемисы отложившияся; много им сказующе и не яшя веры, гордостию снедаеми, чающе малый градец поставлен, зовом гуляй” [Адрианова-Перетц 1954: 92].

“И во град вшед, казанцы и предашася великому князю московскому и за него сами ся заложися со всею другою половиною болшею земля своея, с нижнею черемисою, добровольно, и без брани и без пролития крови, на всей воли его, яко любо ему, и служити ему обеща(ша)ся нелестно, и дани давати, яко всем бывшим своим царем казанским, и роту писаша по вере своей, яко же обычай есть клятися” [Адрианова-Перетц 1954: 104].

“Черемиса же луговая досталная вся, сведяше того же дни взятие великаго града своего, и изыдоша из острогов своих старейшины их и сотники, кои были не взяты еще” [Адрианова-Перетц 1954: 161].

Такое различие разных групп черемисов было важно для автора, чтобы указать, когда и где какие группы черемисов участвовали в битвах против русских, или какие их группы перешли на сторону русских. Но в другом отношении, если смотреть просто на факт различения, это может означать, что территория между русскими и казанскими (земля “черемисская”) была обширная, а обитатели всей обширной территории отличались друг от друга по трем регионам по какому-нибудь признаку (не оказыва-

ющемся важным для автора в объяснении конкретных исторических событий).

Третий тип упоминания названия *черемис* в “Казанской истории” связано уже не войском, а черемисским народом.

“...*(в лета 1550 г.)* Бе бо место то пусто и лес велик по нему, подле же обою рек тех, Волги и Свияги, великия луги прилежат и травны велими и красны, вдале же от рук в гору, села казанския стояху, в них же горная черемиса живяше. Две бо черемисы бе в Казанской области, а языка их три, 4 язык варварский, той владеяше ими; едина убо черемиса об сю страну Волги сидит, промеж великих гор, по удолиям, и та словет горная; другая же черемиса об ону страну Волги живет, а та ся наричет луговая, низоты ради и равности земля тоя – и вся те луги, земляпашцы и трудницы и злолютыя ратники. В той же стране луговой есть черемиса кокшаская и ветлужская, живет в пустынях лесных, ни сеют, ни орют, но ловом звериным и рыбным, и воиную питаются и живут аки дикии” [Адрианова-Перетц 1954: 85–86].

Здесь указывается именно на тот признак, по которому разные группы черемисов могут друг от друга отличаться: “языка их три”. (Названный четвертым языком “варварский” – это язык казанских правителей, поскольку в повествовании слова “казанский” и “варварский” употребляются синонимично.)

Относительно конкретной этнической и языковой ситуации поветлужско-вятского междуречья отрывки источника со вторым и третьим типом упоминания названия *черемис* взаимно дополняют друг друга. По этим отрывкам можно узнать, что около 1550 г. существовало три черемисских [живущих между русским и казанским населением] народа с тремя разными языками. Они обитали по правым и левым притокам Волги в трех регионах: первый в волжско-свияжском междуречье, на правом берегу Волги, второй по берегам (Большой и/или Малой) Кокшаги, левых притоков Волги, а третий по берегам Ветлуги, опять же левого притока Волги. Поскольку феодальные государства Восточной Европы (напр. Русское государство) и восточные военно-феодальные государственные образования (напр. Казанское ханство) были организованы не на этническом, а на территориальном основании, вполне естественно, что для различения народов внутри государства применялись географические, а не этнические атрибуты: черемисы горные, нижние и луговые.

На основании цитированных сведений “Казанской истории” и настоящих географических условий право- и левого бережья Вол-

ги не будет противоречить фактам связать луговых черемисов с народом, живущим по берегам (обеих) рек Кокшага, горных черемисов с теми, которые обитают в волжско-свияжском междуречье, а нижних с поветлужскими черемисами.

В языковом отношении данный источник и более поздние письменные памятники (см.: [Димитриев 1963]) дают историческую обоснованность предполагать, что в середине XVI века доминирующая часть “кокшаских” черемисов говорила на марийском языке финно-угорского происхождения (основной словарный фонд которого см. в книге: [Bereczki 1992]), значительная часть горных черемисов являлась носителем чувашского языка булгаро-тюркского происхождения (основной словарный фонд которого представлен в этимологических словарях В. Г. Егорова [1964] и М. Р. Федотова [1996], а поветлужские черемисы (потомки западной части позднегородецкой археологической культуры) в отчасти в это время еще хранили свой язык пока неизвестного происхождения (сохранившиеся в марийском и чувашском языках к настоящему времени лексические элементы которого собраны в моей статье: [Agyagási 2000]).

Картографические источники второй половины XVI века отражают в большинстве случаев территориальное деление черемисов, известное в то время на русской терминологии.

Таким источником являются карты английского торговца Энтони Дженкинсона, которые были нарисованы им между 1554 и 1572 гг. Первая карта (под названием “*Rvssiae, Moscoviae et Tartariae descriptio. Auctore Antonio Jenkinsono Anglo, edita Londoni Anno 1562 et dedicata illustris. D. Henrico Sydneo Walliae praesidi*”) содержит среди названий народов *Ceremise Lowgovoi*, *Ceremise Gorni* (см.: [Tardy 1982: 204]). Это же повторяется на карте голландского картографа Жерара дэ Жода, являющейся списком с карты Дженкинсона, опубликованная в 1578 г. (см.: [Tardy 1982: 207]) и на мировой карте фламандского картографа Петра Планциуса, опубликованной в 1592 г. [[Tardy 1982: 208]. А на третьей карте Дженкинсона (под названием *Regionvm Septentrionalium Moscoviam, Rvtenos, Tartaros, eorvmqve hordas comprehendentivm, ex Antonii Jenkinsonii et Sigismundi Liberi Baronis ab Herberstein itinerariis, nova descriptio*) можно читать *Czeremissi Lowgovoi*, и *Sermise*. Вот это последнее противопоставление двух названий косвенно указывает на языковую разницу обитателей Поволжья. *Czeremissi Lowgovoi* – название народа на русском языке относительно к обитателям левобережья Волги без этнического содер-

жания, а *Sermise* объясняется как форма с собирательным суффиксом на вульгарно-латинском языке от корня *sermis*, что отражает закономерный чувашский фонетический вариант в XVI веке древнего этнонима *čermis*: древнебулг. *čermis* > *šermis* > среднечув. *šärmis* (> чув. *šarməs*). Как известно, в чувашском языке этноним *šarməs* до сих пор употребляется для обозначения марийцев, таким образом на третьей карте Дженкинсона косвенно сообщается о существовании марийского и чувашского народов и языков в XVI веке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адрианова-Перетц В. П.* (Ред.). Казанская история. М.; Л., 1954.
- Адягаши К.* К вопросу об этногенезе марийцев // АОН. 52 (1999). с. 293–307.
- Agyagási K.* Der sprachliche Nachlass der Spät-Gorodec Bevölkerung in den tschuwaschischen und mariischen Mundarten // FUD 7 (2000). S. 3–24.
- Bereczki G.* Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte II (= Studia Uralo-Altica 34). Szeged, 1992.
- Димитриев В. Д.* Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI – начала XVII веков // Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. Вып. XXII. Чебоксары, 1963. С. 106–136.
- Егоров В. Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
- Моисеева Г. Н.* Казанская история. Подготовка текста, вступительная статья и примечания. В книге “Казанская история” (под ред. Адриановой-Перетц). М.; Л., 1954. С. 3–39.
- Tardy J.* A Contribution to the Cartography of the Central and Lower Volga Region. In: Chuvash Studies, ed. by A. Róna-Tas, Budapest, 1982. Pp. 179–236.
- Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Тт. 1–2. Чебоксары, 1996.